

ФАСМЕР Максим Романович (1886–1962), языковед-славист, иностранный член-корреспондент АН СССР.

Рубрика: [Биографические статьи \(персоналии\)](#) / [деятели социальной сферы \(образование, медицина\)](#)

ФАСМЕР (Vasmer) Максим Романович (Макс Юлий Фридрих Рихард) (15 февраля 1886, Санкт-Петербург – 30 ноября 1962, Западный Берлин, ФРГ), языковед-славист, иностранный член-корреспондент АН СССР (1928).

Родился в Санкт-Петербурге в купеческой семье германского подданного. В столицу Российской империи его отец переехал, будучи еще молодым коммерсантом, тем не менее русским он себя никогда не ощущал. Постоянно сохраняя культурно-историческую и духовную связь с родиной, он стремился привить эти чувства с ранних лет и своему сыну, на что нацелено было все его домашнее воспитание.

В 1903 г., после сдачи экзамена на аттестат зрелости в классической гимназии Карла Майя, семнадцатилетний Фасмер поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета, где под руководством замечательного ученого-языковеда, члена-корреспондента Петербургской АН И. А. Бодуэна де Куртенэ приступил к изучению славистики и сравнительного языкознания. В лице основателя Казанской лингвистической школы (Бодуэн де Куртенэ начинал свою научную деятельность в Казанском университете) он встретил понимающего и очень увлеченного учителя, заботливого старшего друга, широта научного горизонта которого и неиссякаемая целеустремленность и решительность в отстаивании собственных убеждений стали для Фасмера эталоном настоящего ученого. Другим университетским наставником будущего прославленного лингвиста, оказавшим сильное влияние на формирование его научного мировоззрения, был академик А. А. Шахматов. Многие годы спустя Фасмер вспоминал, что он был благодарен каждому дню, проведенному в обществе Шахматова и его единомышленников.

На втором курсе университета Фасмер приступил к созданию «Греко-славянских этюдов» – своей первой лексикографической работы, посвященной греческим заимствованиям в церковнославянском и русском языках. Результаты превзошли самые смелые ожидания. В 1906 г., еще до того, как он сдал выпускные экзамены, появилась первая, а вскоре – в 1907 и 1909 гг. – вторая и третья части этого до сих пор никем непревзойденного труда, сделавшего двадцатитрехлетнего Фасмера знаменитым ученым.

По прослушании университетского курса наук осенью 1907 г. он был удостоен диплома первой степени и с единогласного одобрения ученой коллегии историко-филологического факультета оставлен при Петербургском университете «для приготовления к профессорской и преподавательской деятельности по кафедре сравнительного языкознания, без стипендии» сроком на два года.

С 1 мая по 20 сентября 1909 г. Фасмер находился с научной целью в заграничной командировке, где работал над завершением начатого еще в студенческие годы исследования, представленного им 8 ноября того же года в публичном заседании историко-филологического факультета Петербургского университета в качестве магистерской диссертации. Через два месяца после этого он был зачислен в приват-доцентуру Петербургского университета, получив право чтения самостоятельного курса лекций по сравнительному языкознанию. А 1 июня 1910 г. молодой, но уже всеми признанный ученый-славист получил вторую командировку за границу «для приготовления к профессорскому званию, с содержанием в 2000 рублей в год из сумм Министерства народного просвещения».

С началом Первой мировой войны из печати вышла очередная большая работа Фасмера – «Исследование в области древнегреческой фонетики», представленная им к защите как докторская диссертация. Спустя год после утверждения Советом Петроградского университета (решение от 18 мая 1915) в ученой степени доктора сравнительного языкознания он был назначен на должность старшего ассистента кабинета экспериментальной фонетики, с оставлением приват-доцентом университета.

После свержения самодержавия и установления в стране демократического строя министр народного просвещения А. А. Мануйлов во всеуслышанье объявил о решении Временного правительства открыть с 1 июля 1917 г. в составе Саратовского университета три новых факультета, в их числе – историко-филологический. Однако для нормального функционирования его требовались значительные научно-преподавательские кадры, которые отыскать на месте оказалось практически невозможно. Поэтому оставалось рассчитывать на талантливую молодежь и ученых старшего поколения из Петрограда, Москвы, Томска и других крупных научных центров, согласившихся возглавить строительство основ

саратовской гуманитарной науки и сделать факультет настоящим «научным центром края, придать его научному облику свое особое выражение».

Так, Февральская революция 1917 г. и последовавшие за ней бурные события кардинально изменили уклад жизни многих и многих деятелей российской науки и просвещения. Это нашло свое конкретное воплощение и в судьбе Фасмера: постановлением Временного правительства от 1 июля 1917 г. он был утвержден ординарным профессором по кафедре сравнительного языкознания Саратовского университета.

Оставаясь в этом качестве до 1918 г., ученый-лингвист широкого профиля вел не только большую педагогическую работу в университетской аудитории, читая студентам общие и специальные курсы – «Введение в языкознание», «Старославянский язык», «Польский язык». Он занимался также научно-популяризаторской деятельностью среди любителей местной старины. Известно, например, что на обращение выступить с публичными лекциями перед членами Саратовской ученой архивной комиссии, профессор Фасмер «предложил такую программу своих чтений: 1) Взаимоотношение индоевропейских языков. Родина индоевропейцев; 2) Взаимоотношение угро-финских языков; 3) Турецко-татарские языки. Вопрос о болгарях; 4) Родина славян». Кроме того, он преподавал в университете немецкий язык.

Позже ученый не раз вспоминал, что годичный период его пребывания в Саратове, несмотря на все революционные перипетии, оказался на редкость приятным в смысле общения с товарищами-профессорами и их семьями (будучи хорошим пианистом, Фасмер нередко устраивал домашние концерты), а также плодотворным в научно-исследовательском плане. Здесь он смог услышать редчайшие языки, например, калмыцкий, что давало новую пищу уму этимолога. Недалеко от Саратова находилась немецкая колония, которая частично сохранила песни и обычаи, восходившие к XVIII в., что вызвало желание Фасмера создать диалектный словарь волжских немцев. При этом он стремился также ускорить работу над саратовским русским диалектным словарем, заверченный вариант которого затем передал на хранение в Саратовскую ученую архивную комиссию.

После Октябрьской революции Фасмер, находясь в Финляндии, наотрез отказался возвращаться в Саратов. На принятие такого жесткого решения повлияли, вероятно, многие факторы. Это и происшествие, случившееся 8 ноября 1917 г., когда, со слов жены ученого, «...в ее доме восемь вооруженных людей с санкции Военной секции произвели обыск. Они заявили, что, по сведениям, у парадного был замечен человек с шашкой и револьвером, который произвел несколько выстрелов. Обыском хотели воздействовать на хозяина дома, чей сын, армейский офицер, отказался выполнить приказ о сдаче клинка и револьвера, мотивируя это тем, что оружие вверено ему военными властями. Обыскивающие прихватили с собой две коробки: с вином и вещами. Обыск производился грубо. Бандиты вошли и в комнату профессора Фасмера, спросили, нет ли у него оружия (у него не было револьвера – к “счастью”), оглядели комнату, но обыскивать не стали». Но, думается, все же основным побудительным мотивом в выборе дальнейшего пути явилось острое ощущение ученым сложности, а зачастую и невозможности существования людей умственного труда в революционной атмосфере.

Еще в 1918 г. Фасмер подавал заявление с просьбой принять его приват-доцентом в Тартуский сельскохозяйственный университет, а в 1919 г. по рекомендации И. А. Бодуэна де Куртенэ и профессора Хельсинского университета И. Ю. Микаола он был избран профессором сравнительного языкознания университета в Тарту. Так Фасмер оказался в Дерпте (Тарту). Здесь при помощи Евангелия и немногих книг, опираясь на собственное знание финского языка, он вскоре выучил эстонский язык и мог читать лекции в Дерптском университете по-эстонски. Во время своего пребывания в Дерпте (1919–1921) Фасмер участвовал в возвращении эвакуированной в Воронеж в Первую мировую войну университетской библиотеки, что стало возможным в результате заключения 2 февраля 1920 г. между Эстонией и РСФСР мирного договора. Одновременно он переправил из Саратова и свою личную библиотеку, которая позже сыграла важную роль в развитии славистики в Германии.

В 1921 г., получив приглашение из Лейпцига, Фасмер занял должность ординарного профессора по кафедре славянской филологии историко-филологического отделения философского факультета Лейпцигского университета. Тогда же он стал содиректором Индогерманского института, института Юго-Восточной Европы и Ислама и Государственного научно-исследовательского института индогерманистики. А в 1925 г. Фасмер переехал в Берлин, где в течение двадцати лет состоял ординарным профессором Славянского института в Берлинском университете Фридриха-Вильгельма.

В этот промежуток времени ученый усиленно трудился над созданием 90-томных «Очерков славянской

филологии и истории культуры», из которых удалось завершить и в 1925–1933 гг. выпустить из печати лишь 12 томов. Кроме того, в 1932–1936 гг. он издает 4-томные «Очерки исторической этнологии Восточной Европы», затрагивавшие весьма важный сюжет о расселении в российской средней полосе финских племен.

В 1937–1938 гг. Фасмер в качестве приглашенного профессора читал лекции в Колумбийском университете в Нью-Йорке. Также он выступал с лекциями в 1930–1931 гг. в Упсале, Стокгольме, в 1937–1941 гг. – в Софии, Будапеште, Бухаресте и Хельсинки. Во время своего пребывания в Нью-Йорке Фасмер начал систематически работать над составлением словарных статей для этимологического словаря русского языка, издание которого смогло осуществиться только в 1950–1958 гг.

Не прерывал ученый-славист своей деятельности и в годы Второй мировой войны. Несмотря на многочисленные трудности и невзгоды военного времени, ему удалось подготовить и опубликовать целый ряд серьезных научных работ – «Славяне в Греции» (1941), «Старые взаимоотношения населения России» (1941), «Греческие заимствования в сербохорватском языке» (1944) и др. Однако после окончания войны, в 1945–1946 гг., Фасмер не издал ни одной статьи, всецело сосредоточившись на восстановлении картотеки для этимологического словаря, погибшей в январе 1944 г. от попавшей в его дом фугасной бомбы. Тогда же в огне были полностью уничтожены богатейшая книжная коллекция и рукописи ученого.

В зимний семестр 1946–1947 гг. Фасмер читал лекции в Славянском институте, возобновившем свою деятельность на территории Восточного Берлина. Но растущий политический конфликт и обострившаяся глазная болезнь побудили его вскоре перейти на должность профессора Стокгольмского университета. Назад в Германию он вернулся в 1949 г., чтобы в качестве ординарного профессора возглавить кафедру славистики Свободного университета в Западном Берлине. Выйдя в 1956 г. на пенсию, Фасмер дважды, в 1956 и 1958 гг., смог посетить Москву: в первый раз, участвуя в работе Международного комитета славистов, а во второй – в качестве участника IV Съезда славистов.

Труд ученого во славу мировой науки получил высокую оценку и в России, и за ее пределами. В 1909 г. за представленную в качестве магистерской диссертации третью часть «Греко-славянских этюдов» Фасмер Петербургской АН был награжден премией имени М. И. Михельсона. В 1923 г. он удостоился чести быть избранным ординарным членом филолого-исторического класса Саксонской АН, в 1928 г. – иностранным членом-корреспондентом АН СССР. А в 1961 г. ему присудили звание почетного доктора философского факультета в Бонне. Кроме этого, известно, что в период своей научно-педагогической деятельности в России Фасмер также был награжден светло-бронзовой медалью для ношения на груди в память 300-летия царствования Дома Романовых (1913).

Фасмер скончался 30 ноября 1962 г. Он похоронен в Западном Берлине на кладбище евангелического прихода Николасзее. В 1987 г. решением Сената его захоронение получило статус почетной могилы.

Сочинения

Греко-славянские этюды. Ч. I // Изв. ИАН. ОРЯС. 1906. Т. 11, вып. 2; Ч. II. Греческие заимствования в старославянском языке // Там же. 1907. Т. 12; Ч. III. Греческие заимствования в русском языке // Сб. ОРЯС. 1909. Т. 86; Исследование в области древнегреческой фонетики. Пг., 1914; Этимологический словарь русского языка: В 4 т. М., 1964–1973.

Автор: [Соломонов В. А.](#)

Литература

Корш Ф. Е. Отзыв о сочинении М. Р. Фасмера «Греко-славянские этюды. III. Греческие заимствования в русском языке» // Сборник отчетов о премиях и наградах за 1909 г. (Премии имени М. И. Михельсона). СПб., 1912; *Куркина Л. В.* Макс Фасмер и его этимологический словарь // РР. 1990. № 3; *Трубачев О. Н.* Из работы над русским Фасмером // ВЯ. 1978. № 6; *Он же.* Послесловие ко второму изданию «Этимологического словаря русского языка» М. Фасмера // Фасмер Макс. Этимологический словарь русского языка. Т. 1. М., 1986; *Дневник русской гражданской войны.* Алексис Бабин в Саратове. 1917–1922 гг. // Волга. 1990. № 5; *Kiparsky V.* Max Vasmer zum Gedenken // Akademische Gedenkfeier der Freien Universität Berlin für Max Vasmer am 6 Februar im Osteuropa-Institut an der Freien Universität Berlin; *Woltner M.* Max Vasmer // Zeitschrift für slavische Philologie. H. 1. 1963. Bd. XXXI.